

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 136-140. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 136-140. ISSN 1998-0817
Научная статья
УДК 821(450).09«20»
<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-136-140>

ИДЕЯ ЛИТЕРАТУРЫ В «АМЕРИКАНСКИХ ЛЕКЦИЯХ» ИТАЛО КАЛЬВИНО

Сабурова Людмила Евгеньевна, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, mila.saburova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7635-6060>

Аннотация. Подготовленный Итало Кальвино курс так называемых «Американских лекций» стал последним литературным трудом писателя и по праву считается его завещанием. Сам Кальвино адресует текст потомкам, собрав в лекциях ценные свойства литературы, которые следует сохранить в следующем тысячелетии. В эпоху непрерывного потока информации, зачастую состоящего из трафаретных текстов и изображений, буквально заполонивших собой все медийное пространство, Кальвино предупреждает читателей об опасности, нависшей над таким самобытным и оригинальным видом человеческой деятельности, как литература. Писатель стремится рассказать об особой роли литературы и встроить лишь ей присущие качества в перспективу развития быстро меняющегося мира. Категории, давшие названия пяти лекциям, далеки от общепринятой литературоведческой терминологии. Более того, сами размышления писателя выходят за рамки как истории литературы, так и традиционной поэтики и эстетики. Взгляд Кальвино на литературу лишен догматизма и чрезвычайно оригинален. Разбирая то или иное явление, писатель проводит неожиданные параллели между литературными произведениями разных стран и эпох. Приняв за точку отсчета созданную Кальвино систему координат, читатель становится полноправным участником процесса, невольно продолжая мысленно нанизывать на обнаруженную писателем связующую нить все новые имена и произведения. Альтернативная теория и история литературы, предложенная писателем, сделалась бесспорным бестселлером не только в кругу специалистов, но и у самой широкой публики.

Ключевые слова: Итало Кальвино, лекции, эстетика, европейская литература, итальянская литература, поэтика, теория литературы

Для цитирования: Сабурова Л.Е. Идея литературы в «Американских лекциях» Итало Кальвино // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 136-140. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-136-140>

Research Article

THE IDEA OF LITERATURE IN THE “AMERICAN LECTURES” OF ITALO CALVINO

Liudmila E. Saburova, Candidate of Philological Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, mila.saburova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7635-6060>

Abstract. The course of the so-called “American lectures” prepared by Italo Calvino became the last literary work of the writer and is rightfully considered his testament. Calvino himself addresses the text to posterity, collecting in his lectures the valuable properties of literature to be preserved for the next millennium. In the era of continuous flow of information, often consisting of formulaic texts and images that have literally flooded the entire media space, Calvino warns readers about the danger looming over such a distinctive and original kind of human activity as literature. The writer seeks to talk about the special role of literature and to build its unique qualities into the perspective of the development of the rapidly changing world. The categories that gave names to the five lectures are far from generally accepted literary terminology. Moreover, the writer’s reflections go beyond both the history of literature and traditional poetics and aesthetics. Calvino’s view of literature is devoid of dogmatism and is extremely original. Analysing different phenomena, the writer draws unexpected parallels between literary works of different countries and eras. Taking Calvino’s frame of reference as the starting point, the reader becomes a full participant in the process, unwittingly continuing to mentally string new names and works on the connecting thread discovered by the writer. The alternative theory and history of literature proposed by the writer has become an unquestionable bestseller not only among specialists, but also among the general public.

Keywords: Italo Calvino, lectures, aesthetics, European literature, Italian literature, poetics, theory of literature

For citation: Saburova L.E. The idea of Literature in the “American lectures” of Italo Calvino. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 136-140 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-136-140>

В июне 1984 г. Итало Кальвино, к тому времени уже прославленный писатель не только в Италии, но и за рубежом, был приглашен Гарвардским университетом прочесть курс лекций по поэтике, носящий имя американского дантоведа и историка искусства Чарльза Элиота Нортон. Прежде подобные курсы уже были подготовлены Т.С. Элиотом, И. Стравинским, Х.Л. Борхесом и многими другими именитыми представителями мира искусства и литературы. Курс должен был включать шесть лекций, которые следовало прочесть в течение 1985–1986 учебного года. Термин поэтика в данном случае охватывал все формы художественного высказывания: литературу, музыку, живопись и проч. Выбор темы был свободным.

Когда пришло время отъезда в США, Кальвино полностью завершил работу над текстом пяти лекций, шестую под рабочим названием «Consistency» и возможные дополнительные выступления он планировал дописать, уже будучи в Гарварде [Calvino E. 1995, 2: 629]. Судьба распорядилась иначе. В сентябре 1985 г. Итало Кальвино скоропостижно скончался.

В посмертное издание так называемых «Американских лекций» вошли небольшое авторское предисловие и пять лекций: Легкость, Быстрота, Точность, Визуальность, Множественность (по свидетельствам текстологов, в рукописи чаще всего фигурировали английские термины *Lightness*, *Quickness*, *Exactitude*, *Visibility*, *Multiplicity*) [Asor Rosa]. В качестве приложения в книгу был включен и текст одной из предполагаемых дополнительных лекций, получивший название «Начать и завершить». По объему, манере письма, организации и стилю приложение немногим отличается от предыдущего повествования и воспринимается как еще одна полноценная лекция. В результате по содержанию книга отвечает первоначальному названию: лекций действительно шесть.

Поддача материала в лекциях во многом строится по принципу занимательности. Повествование оживляют яркие литературные примеры и некоторое подобие сюжетной линии, самостоятельной в каждой отдельно взятой лекции. Не отказываясь от спорадического использования изысканной литературной лексики [Piacentini], в целом Кальвино выбирает доступный и подчеркнuto простой стиль изложения. В итоге лекции легки для восприятия, сложность представляют идейный пласт, тематическое разнообразие и нетривиальный авторский взгляд, нуждающийся в осмыслении.

«Американские лекции» представляют собой завещание писателя, адресованное потомкам. Вместе с тем именно здесь мы можем ознакомиться с литературными предпочтениями Кальвино, особенностями его писательской кухни, проследить его творческий путь. Стоит сказать, что за свою литературную карьеру Кальвино сменил не одно творческое кредо, пробуя силы в разных жанрах

и манерах письма [Milanini]. В лекциях фиксируются и обосновываются перемены в мировоззрении писателя, а главное, объясняется его непреодолимая склонность к эксперименту.

Все лекции строятся по крайней мере на трех непременно присутствующих элементах, хотя и расположенных в разном порядке. Автор выражает свое личное отношение к свойству литературы, вынесенному в название, обосновывая его ценность; приводит и анализирует литературные примеры, служащие иллюстрацией разбираемой темы; делает выводы обобщающего характера, касающиеся перспектив развития мировой литературы.

Во вступлении к лекциям Кальвино напоминает о том, что подходящее к концу тысячелетие по праву можно назвать тысячелетием книги. Именно в этот период книга становится столь необходимым предметом во всех сферах жизни. Знаком того, что в так называемую постиндустриальную эру мы наблюдаем закат ее славы Кальвино называет частоту, с которой мы задаемся вопросом о судьбах литературы и книжного знания в целом.

Вера Кальвино в будущее литературы зиждется на существовании таких величин, которые лишь литература благодаря своим особым свойствам может дать человечеству. Именно эти, дорогие сердцу автора свойства он намеревается описать, предлагая сохранить их в новом тысячелетии.

Главной задачей для Кальвино-лектора становится осмысление литературы как метода познания. В лекциях отчетливо слышны отголоски предыдущих критических очерков писателя, суммируя которые Кальвино создает свою концепцию литературного идеала. Еще в статье 1962 г. Кальвино сравнивает литературу с лабиринтом, за рамками которого остается тот, кто пренебрегает ее сложностью. «Литература может подсказать, как повести себя, чтобы найти дорогу к выходу, хотя сама дорога будет ничем иным, как переходом в новый лабиринт» [Calvino I. 1995, 1: 122]. В понимании писателя, именно литература способна объединить отдельную личность и мир вокруг. Основой любой литературы служит миф, сила которого заключена в буквальности. Миф не в силах избавить человека от сумрака и ужасов мира реального, но с его помощью мы можем защитить себя, прибегнув к единственным доступным нам орудиям: фантазии и разуму.

Осмывая работу фантазии и разума и прежде всего описывая характер их синтеза, Кальвино намеревается представить нашему вниманию некую идеальную литературную модель, вобравшую в себя все самые ценные свойства литературы, которые одновременно служат наиболее эффективными инструментами познания. Такие свойства, вынесенные писателем в названия лекций, отнюдь не типичны для литературоведческого дискурса. Легкость, быстрота, визуальность, множественность – скорее подошли бы для описания некоего

физического тела или процесса. Лишь такую категорию, как точность, пожалуй, можно отнести к сфере умозрительного и субъективного. Но при ближайшем рассмотрении и точность, в понимании Кальвино, становится синонимом детальной проработанности, выступая в своей физической функции. Еще большую оригинальность такому подходу к литературе придает беспрестанное сопоставление вышеназванных свойств с противоположными понятиями, служащими им антонимами. Более того, часто сам автор признается, что не ведает, какое свойство литературы предпочтительнее, выбранное им для заглавия лекции или противоположное. В результате оппозиционные пары становятся основными критериями оценки литературного материала.

Между тем все ценные свойства литературы, отобранные писателем, в первую очередь связаны с языком. В осмыслении такого понятия, как язык, Кальвино тоже не пользуется привычными для эстетики категориями красивый – некрасивый, простой – сложный. Текстура языка, согласно Кальвино, сродни паучьей паутине, объединяющей человечество сети, сотканной из ассоциаций, фантазий и идей, рожденных нашим мозгом. Язык как система, выполняющая важнейшую связующую функцию, с одной стороны, между разными людьми в пространстве и во времени, а с другой – между человеком и вселенной, находится в постоянной опасности. По мнению Кальвино, опасность безмерно усилится именно с наступлением нового тысячелетия.

Кальвино всегда были чужды апокалиптические настроения. Более того, экзистенциальный оптимизм уже с первых литературных шагов считался отличительной чертой произведений писателя [Starobinski]. Тем не менее именно в лекциях ощущение будущего в сознании Кальвино сходно с катастрофическим. Это ощущение во многом и задает вектор «завещанию» писателя. Он остро чувствует приближение опасного сдвига, наметившегося в истории человечества. Простирая взгляд в третье тысячелетие, Кальвино указывает на несколько опасных процессов, грозящих бедственными последствиями для человечества. С одной стороны, это заражение языка и засорение визуальных образов, с другой – погружение в водоворот энтропии, дробящей мир на мириады разобщенных осколков. Согласно Кальвино, языковой и визуальный культурные пласты понесли огромные потери в эру медийного нашествия. Неслучайно самые трагические прогнозы на будущее содержатся в лекциях, посвященных «Точности» и «Визуальности», более всего пострадавших в непрерывном информационном потоке. Для описания этого процесса Кальвино выбирает такие термины, как «зачумление» и «замусоривание». Беда не только в том, что безликий и неточный язык массмедиа начинает превалировать над языком литератур-

ным, его влияние значительно шире. По мнению писателя, «зачумление» языка вносит изменения в самосознание человека, который умышленно погружается в хаос.

Точность в литературе сопряжена для Кальвино со следующими факторами:

- 1) хорошо выверенным и просчитанным планом произведения;
- 2) работой с четкими, запоминающимися визуальными образами, воспроизводящими действительность;
- 3) отточенностью языка в передаче оттенков смысла и нюансов воображения.

По словам писателя, привести перечень столь «банальных истин» его заставила нетерпимость к приблизительному и небрежному использованию языка. Дело в том, что разбушевавшаяся в нынешнюю эпоху «чумная эпидемия» выбрала своей мишенью именно эту отличительную особенность человека: способность точно выражать свои мысли. Согласно писателю, «зачумление» языка проявляется в потере жажды познания, непосредственности мышления. На смену им приходит автоматизм, стремящийся превратить в расхожий штамп хоть сколько-нибудь оригинальное высказывание. Широко используемые сейчас абстрактные формулы делают значение фраз расплывчатым, «гасят любую искру, вспыхивающую при попадании слов в новые контексты» [Calvino I. 1995, 2: 677]. По мнению писателя, от заражения пострадал не только язык, но и визуальные образы. На человека буквально обрушивается лавина изображений, большая часть из которых мгновенно рассеивается, как дурной сон, не запавший в память, но оставивший ощущение подавленности и замешательства.

Кальвино выдвигает и другую версию: «содержания нет вовсе не только в изображениях или языке, но и в мире» [Calvino I. 1995, 2: 678]. Чума поражает жизнь людей, историю стран, превращая их в нечто бесформенное, бессмысленное, спутанное, без начала и конца. Кальвино признается, что более всего ему досаждают утрата формы, упорядочивающей некогда человеческое существование. Этой утрате писатель, по его словам, старается противопоставить единственное известное ему средство: идею литературы. Согласно Кальвино, модель литературного произведения уже содержит в себе фундаментальную для современной науки оппозицию: хаос – порядок. Кальвино пишет: «Вселенная растворяется в цветном облаке, напрочь увязает в водовороте энтропии, но внутри этого необратимого процесса могут возникать островки порядка, элементы существования, близкие к тому, чтобы обрести форму, смотровые площадки, с которых, кажется, открывается план, перспектива» [Calvino I. 1995, 2: 687]. Согласно писателю, литературное произведение и есть один из таких редких островков. В его недрах существование выкристаллизовывается в форму, при-

обретает смысл, не готовый, не окончательный, не окаменевший, но живой как организм. «Поэзия, – утверждает Кальвино, – злейший враг случайности, но вместе с тем рожденная случайностью, она знает, что в решающий момент случай одержит верх» [Calvino I. 1995, 2: 687].

Кальвино задается вопросами: какую роль в нашем воображении играют образы, предложенные культурой; каково будущее индивидуального воображения в так называемой «цивилизации изображений», сохранится ли человеческий дар вызывать в уме несуществующие образы, когда мир все больше наводняется готовыми изображениями? Писатель поясняет, что включил визуальность в список нуждающихся в защите ценностей для того, чтобы предупредить об опасности. Согласно Кальвино, мы рискуем потерять «фундаментальную способность фокусироваться на визуальных изображениях с закрытыми глазами, генерировать цвета и формы из выведенных на белой бумаге алфавитных черных знаков» [Calvino I. 1995, 2: 711]. Писатель полагает, что способствовать контролю и развитию внутреннего видения могла бы специально созданная для того образовательная методика. Она не позволяла бы человеку погрузиться в путанное, бессистемное фантазирование, но, напротив, помогала бы фантазиям выкристаллизоваться, обрести четкую запоминающуюся форму, цельность, жизненную силу. В то же время Кальвино замечает, что подобная методика была бы действительна лишь тогда, когда использовалась бы применительно к самому себе, методы изобретались бы по случаю, а результат был бы непредсказуем. По словам Кальвино, пользуясь схожей техникой в процессе создания произведений, он нередко вдохновлялся образами с полотен великих живописцев. Мысленно варьируя знаменитые фигуры, он соединял их отдельные черты и вносил свои коррективы в полученный образ.

Формируя визуальный пласт литературного воображения, писатели прибегают к самым разным способам: наблюдению за реальным миром, обращению к изобразительному искусству, преобразению действительности посредством снов и видений. Особую важность визуальная составляющая воображения приобретает в фантастической литературе. Согласно Кальвино, в эру тотальной инфляции визуальных образов фантастическая литература может развиваться двумя возможными путями:

1. Помещать уже использованные образы в новые контексты, которые изменят их значение. Постмодернизм можно считать ироническим осмыслением медийного визуального штампа или же попыткой привить вкус к чудесному, укоренившийся в литературной традиции, используя чуждые традиции нарративные механизмы.

2. Провозгласить главенство пустоты, чтобы начать путь с нуля. К примеру, Сэмюэл Беккет, согласно Кальвино, добился ошеломляющих ре-

зультатов, сведя к минимуму как визуальную, так и вербальную составляющие, что позволило нам увидеть мир времен постапокалипсиса.

Кальвино сравнивает творческое воображение с целым миром бесчисленных возможностей, которые не способны вместить ни одно произведение искусства. Совсем в другом мире с иными формами порядка и хаоса мы живем и приобретаем опыт. Существует еще и мир слов, заполняющих страницу, красок, расплывающихся по холсту. Он тоже многообразен, но все же поддается управлению и может приобретать конкретные формы. Взаимосвязь между этими тремя мирами Кальвино называет невыразимым парадоксом бесконечных множеств, вмещающих другие бесконечные множества. В понимании Кальвино, все многочисленные реальности и фантазии могут обрести форму лишь благодаря литературе, уравнивающей в правах внешнее и внутреннее, мир вокруг и наше «я», опыт и вымысел, превращая их в одну словесную материю.

В попытке объясниться Кальвино рассказывает о трудностях, встреченных им в начале творческого пути: «Очень скоро я заметил, что между жизненными обстоятельствами, которые должны были служить для меня главным ресурсом, стать током, непрерывной движущей силой повествования, оживляющей, как я того хотел, мое письмо, и самим результатом обнаружился разрыв, на преодоление которого у меня уходило все больше труда. Вероятно, только тогда я и начал ощущать тяжесть, инерцию, непрозрачность мира: именно эти качества сразу же пристают к написанному, если нет способа от них избавиться. Как будто весь мир превращается в камень» [Calvino I. 1995, 2: 634]. Схожую мысль мы встречаем в знаменитом предисловии писателя к его роману «Тропа паучьих гнезд» [Calvino I. 1964: 9]. Размышляя о неореализме, Кальвино сетует на то, что безыскусный рассказ о подлинной жизни с ее всеобъемлющей сложностью и многослойностью походит на «грубую материю». Уже тогда молодой писатель приходит к выводу, что необходим особый взгляд, противоядие против тяжеловесной реальности. В конце жизни Кальвино делится с читателем найденным рецептом, по своему обыкновению прибегая к помощи мифа.

В качестве иллюстрации победы над окаменелой реальностью Кальвино приводит миф о Персее и Медузе Горгоне, который, в понимании писателя, становится аллегорией взаимоотношений поэта с окружающим миром. Именно здесь описан метод, которому стоит следовать, но урок можно извлечь лишь при буквальном понимании мифа. Каждый пишущий рискует попасться на глаза Медузе, рискует окаменением языка. Во избежание такой участи он должен надеть крылатые сандалии Персея, «чтобы отрубить голову Медузе, <...> он обращается к помощи самых легких субстанций: ветров и облаков» [Calvino I. 1995, 2: 636]. Свла-

дать с тяжеловесной реальностью, как и с Медузой, можно лишь на лету, да и наблюдая за ней не впрямую, а при помощи волшебного инструмента – зеркала или же сквозь призму своего особого фильтрующего взгляда. Более того, реальность может быть страшна, а может быть чудодейственна, как волосы медузы. Вслед за Персеом, заботливо ухаживающим за головой побежденного чудовища, нам следует учитывать хрупкость добытого трофея. Ведь легкость всегда сопряжена с хрупкостью. Кальвино признается, что временами царство людей представляется ему осужденным на вечную тяжесть. Писатель сетует: «В такие моменты я думаю, что должен летать как Персей в других небесах» [Calvino I. 1995, 2: 638].

Тревога писателя в отношении будущего все же не переходит в отчаяние. Лекции – своего рода послание Кальвино к следующим поколениям, в которое он помещает спасительное руководство к действию. Кальвино непреложно верит в чудодейственную силу литературы как в единственный способ познания, способный помочь миру, потерявшему форму, обрести ее вновь. Литература, согласно Кальвино, необходима для объединения разрозненных звеньев мироздания, для противостояния фатальной конечности человеческой жизни. Являясь осознанным и разумным выбором, литература одновременно фактор порядка и фактор свободы. В свете такой широкой гуманистической перспективы «Американские лекции» – не только книга о литературе, но и о цивилизационных и культурологических процессах в целом.

По жанру последний труд Кальвино скорее можно отнести к эссеистике. В лекциях нет и намек на исторический или герменевтический подход к литературе. Кальвино ставит перед собой принципиально иную задачу. Рассматривая литературу как систему познания, писатель стремится выявить рычаги, ее формирующие, ведь они-то и составят оборонительную крепость в мире хаоса. Автор пользуется текстами скорее как примерами, разъясняющими его идеи. Основное содержание книги составляет анализ разных литературных моделей и источников, служащих им иллюстрацией. Нередко литературные произведения, относящиеся к разным эпохам и национальным традициям, Кальвино ставит в один ряд как образцы схожей литературной стратегии или типа письма. Большинство из них трудно было бы объединить вне концепции писателя. В итоге взаимосвязи, найденные Кальвино, составляют нечто вроде авторской генеалогии западной литературы, которая и становится ключом к книге. В лекциях Кальвино упоминает около девяноста авторов – внушительное количество для брошюры, уместившейся на немногим более ста страницах. Такой охват материала, с одной стороны, выявляет учебную функцию произведения, а с дру-

гой – его энциклопедическую природу. Кальвино как будто задумал создать каталог своей «идеальной библиотеки» – чем больше текстов он включит, тем надежнее станет укрепительное сооружение, воздвигнутое вокруг самой идеи литературы.

Список литературы

Зусева-Озкан В.Б. Рамочный и вставной нарративы в метаромане И. Кальвино «Если однажды зимней ночью путник» // *Narratorium*. 2014. № 1 (7). С. 42–47.

Asor Rosa A. «Lezioni americane» di Italo Calvino. *Letteratura italiana. Le Opere*. Torino, Einaudi, 1995, vol. IV (2), pp. 1–55.

Belpoliti M. L'occhio di Calvino. Torino, Einaudi, 2006, 327 p.

Bertone G. Italo Calvino: il castello della scrittura. Torino, Einaudi, 1994, 331 p.

Calvino E. Nota introduttiva. Calvino I. *Saggi* (1945-1985). Milano, A. Mondadori, 1995, vol. 2, pp. 629–632.

Calvino I. La sfida al labirinto (1962). Calvino I. *Saggi* (1945-1985). Milano, A. Mondadori, 1995, vol. 1, pp. 116–130.

Calvino I. Lezioni americane. Calvino I. *Saggi* (1945-1985). Milano, A. Mondadori, 1995, vol. 2, pp. 633–755.

Calvino I. Prefazione dell'autore. Calvino I. *Il sentiero dei nidi di ragno*. Garzanti, Milano, 1987, pp. 7–26.

Mattioda E. Italo Calvino e il romanzo. Il romanzo in Italia, a cura di Giancarlo Alfano e Francesco De Cristofaro. Roma, Carocci, 2018, pp. 115–130.

Milanini C. L'utopia discontinua. Saggio su Italo Calvino. Milano, Garzanti, 1990, 196 p.

Piacentini A. Tra il cristallo e la fiamma: le Lezioni americane di Italo Calvino. Firenze, Firenze Atheneum, 2002, 629 p.

Starobinski J. Prefazione. Calvino I. *Romanzi e racconti*. Milano, A. Mondadori, 2001, vol I, pp. XI–XXXIII.

References

Zuseva-Ozkan V.B. *Ramochnyi i vstavnoi narrativy v metaromane I. Kal'vino "Esli odnazhdy zimnei noch'iu putnik"* [Frame and internal narratives in the metanovel "If on a Winter's Night a Traveller" by I. Calvino], *Narratorium Publ.*, 2014, № 1 (7), pp. 42–47 (In Russ).

Статья поступила в редакцию 03.12.2020; одобрена после рецензирования 19.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 03.12.2020; approved after reviewing 19.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.